„NICOLAS PALKINE“, par Leon Tolstoy.

Prix: 50 cent.; 5d.; 20 Kr.; 40 Pf.; 20 коп.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

НИКОЛАЙ ПАЛКИНЪ.

Работникъ Емельянъ и Пустой Барабанъ.

Дорого Стоитъ.

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ.

№ 18.

Изданіе Владиміра Черткова.

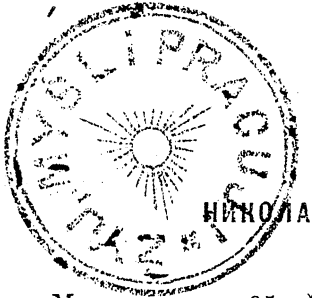
V. Tchertkoff.
Purleigh, Maldon, Essex, England.
1899.

„Пров 49

Інж.
изъ Чертковъ

ВИЗАНТ
КОММУНИСТИЧЕ
АКАДЕМИ

107
28



НИКОЛАЙ ПАЛКИНЪ.

Мы ночевали у 95 лѣтняго солдата, онъ служилъ при Александрѣ I и Николаѣ.

— Что, дѣдушка, умереть хочешь?

— Умереть? Еще какъ хочу! Прежде боялся, а теперь объ одномъ Бога прошу: только бы покаяться, причаститься привелъ бы Богъ. А то грѣховъ много.

— Какіе же грѣхи?

— Какъ какіе? Вѣдь я когда служилъ? При Николаѣ! Тогда развѣ такая служба была, какъ нынче? Тогда что было? У! Вспоминать, такъ ужасъ береть. Я еще Александра засталъ. Того Александра хвалили солдаты, говорили, — милостивый былъ.

Я вспомнилъ послѣднія времена царствованія Александра, когда изъ 100 человѣкъ 20 забивали на смерть. Хорошъ же былъ Николай, когда въ сравненіи съ нимъ Александръ назывался милостивымъ!

— А мнѣ довелось при Николаѣ служить, — сказалъ старикъ, и тотчасъ же оживился и началъ разсказывать:

— Тогда что было? Тогда на 50 розогъ и портокъ не снимали, 150, 200, 300... на смерть запарывали!

Говорилъ онъ и съ отвращеніемъ, и ужасомъ и не безъ гордости о прежнемъ молодечествѣ. А ужъ палками — недѣли не проходило, чтобы не забивали на смерть человѣка, или двухъ изъ полка. Нынче

уже и не знаютъ, что такое палка. а тогда это словечко со рта не сходило. „Палки, Палки!“

У насъ и солдаты Николая „Палкинымъ“ прозвали. Николай Павловичъ—а они говорятъ: Николай Палкинъ. Такъ и пошло ему прозвище. Такъ вотъ, какъ вспомнишь про то время, — продолжалъ старикъ, — да вѣкъ-то отжилъ, помирать надо, — какъ вспомнишь, такъ и жутко станетъ.

Много грѣховъ на душу принято. Дѣло подначальное было. Тебѣ всыпятъ 150 палокъ за солдата. (старикъ былъ унтеръ-офицеромъ и фельдфебелемъ, а теперь кандидатомъ) а ты ему 200. У тебя не заживетъ отъ того, а ты его мучаешь — вотъ и грѣхъ.

„Унтеръ-офицера до смерти убивали солдатъ молодыхъ. Прикладомъ или кулакомъ свиснетъ въ какое мѣсто нужное,—въ грудь или въ голову,—онъ и помретъ. И никогда взыску не было. Помретъ отъ убоя, а начальство пишетъ: „властію Божію помре.“ — И крышка! А тогда развѣ понималъ это? Только о себѣ думаешь. А теперь, вотъ, ворочаешься на печкѣ, ночь не спится, все думается, все представляется; хорошо какъ успѣешь причаститься по закону христіанскому, да простится тебѣ, а то ужасъ беретъ. Какъ вспомнишь все, что самъ терпѣлъ, да что отъ тебя терпѣли, такъ и аду не надо: хуже ада всякаго...

Я живо представилъ себѣ то, что должно вспоминаться въ его старческомъ одиночествѣ, этому умирающему человѣку, и мнѣ вчужѣ стало жутко. Я вспомнилъ про тѣ ужасы, кромѣ палокъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ принимать участіе. Про загоняніе на смерть сквозь строй, про разстрѣливаніе, про убійство и грабежи городовъ и деревенъ на войнѣ, (онъ участвовалъ въ польской войнѣ), и я сталъ распрашивать его про то. Я спросилъ его про гоняніе сквозь строй.

Онъ разсказалъ подробно про это ужасное дѣло. Какъ ведутъ человѣка, привязаннаго къ ружьямъ и между поставленными улицей солдатами со шпицрутенскими палками, какъ всѣ бьютъ, а позади солдатъ ходятъ офицеры и покрикиваютъ: „бей больнѣй!“— „Бей больнѣй!“ прокричалъ старикъ начальническимъ голосомъ, очевидно, не безъ удовольствія вспоминая и передавая этотъ молодечески начальническій тонъ.

Онъ разсказалъ всѣ подробности безъ всякаго раскаянія, какъ бы онъ разсказывалъ о томъ, какъ бьютъ быковъ и свѣжуютъ говядину. Онъ разсказывалъ о томъ, какъ водятъ несчастнаго взадъ и впередъ между рядами, какъ тянется и падаетъ забиваемый человѣкъ на штыки, какъ сначала видны кровяные рубцы, какъ они перекрещиваются, какъ големногу рубцы сливаются, выступаетъ, и брыжжитъ кровь, какъ летитъ клочьями окровавленное мясо, какъ оголяются кости, какъ сначала еще кричитъ несчастный, потомъ только охаетъ, глухо съ каждымъ шагомъ и съ каждымъ ударомъ, какъ потомъ затихаетъ, и какъ докторъ, для этого приставленный, подходитъ, ощупываетъ пульсъ, оглядываетъ и рѣшаетъ; можно ли еще бить человѣка, не убивъ до смерти, или надо подождать и отложить до другого раза, когда заживетъ, чтобы можно было начать мученіе сначала и добить то количество ударовъ, которое какіе-то звѣри, съ палкиными во главѣ, рѣшили, что надо ему дать. Докторъ употребляетъ свое знаніе на то, чтобы человѣкъ не умеръ прежде, чѣмъ не вынесетъ всѣ мученія, которыя можетъ вынести его тѣло.

Какъ его, когда онъ не можетъ больше ходить, кладутъ на шинель ничкомъ и съ кровяной подушкой во всю спину, несутъ въ госпиталь вылѣчивать, съ тѣмъ, чтобы когда онъ вылѣчится, додать ему ту тысячу или двѣ палокъ, которыя онъ не дополучилъ

и не вынесъ сразу. Разсказывалъ, какъ они просятъ смерти и имъ не даютъ ее сразу, а вылечиваютъ и бьютъ другой, иногда третій разъ. И онъ живетъ и мечется въ госпиталѣ, ожидая новыхъ мученій, которыя доведутъ его до смерти. И его ведутъ второй или третій разъ и тогда уже добиваютъ до смерти. И все это за то, что человѣкъ или бѣжитъ изъ полка, или имѣетъ мужество, смѣлость и самоотверженіе жаловаться за своихъ товарищей на то, что ихъ дурно кормятъ и начальство крадетъ ихъ паекъ.

Онъ разсказывалъ все это и, когда я старался вызвать его раскаяніе при этихъ воспоминаніяхъ, онъ сначала удивился, а потомъ испугался.

— Нѣтъ, — говоритъ — это что-жъ, это — по суду! Въ этомъ я развѣ причиненъ? Это по закону.

Тоже спокойствіе и отсутствіе раскаянія было у него и по отношенію къ военнымъ ужасамъ, въ которыхъ онъ участвовалъ и которыхъ много видѣлъ и въ Турціи и въ Польшѣ.

Онъ разсказалъ объ убитыхъ дѣтяхъ, о смерти голодомъ и холодомъ плѣнныхъ, объ убійствѣ штыкомъ молодого мальчика-поляка, прижавшагося къ дереву. И когда я спросилъ его, не мучаетъ ли его совѣсть за эти поступки, онъ уже совсѣмъ не понялъ меня. Это — на войнѣ, по закону, за царя и отечество. Это — дѣла не только не дурныя, но такія, которыя онъ считаетъ доблестными, добродѣтельными, искупающими его грѣхи. Мучаютъ его только личныя дѣла, когда онъ, будучи начальникомъ, билъ и наказывалъ людей. Эти дѣла мучаютъ его совѣсть; но для очищенія себя отъ нихъ, у него есть спасеніе, это причастіе, которое онъ надѣется, что успѣетъ принять передъ смертію и о чемъ онъ просилъ племянницу. Племянница обѣщаетъ, понимая важность этого, и онъ спокоенъ.

То, что онъ раззорялъ, губилъ неповинныхъ ничѣмъ дѣтей и женщинъ, убивалъ людей пулею и штыкомъ, то, что самъ засѣкалъ, стоя въ строю, на смерть людей и таскалъ ихъ въ госпиталь и опять назадъ на мученіе, — это все не мучаетъ его: это все какъ будто не его дѣла. Это все дѣлалъ какъ будто не онъ, а кто-то другой.

Что было бы съ этимъ старикомъ, если бы онъ понялъ то, что такъ ясно должно бы было быть ему, стоящему на порогѣ смерти, что между нимъ, его совѣстью и Богомъ, какъ теперь, наканунѣ смерти, — нѣтъ и не можетъ быть никакого посредника, такъ и не было и не могло быть и въ ту минуту, когда его заставляли мучить и убивать людей? Что бы съ нимъ было, если бы онъ понялъ теперь, что нѣтъ ничего искупляющаго то зло, которое онъ сдѣлалъ людямъ, когда онъ могъ не дѣлать его? Если бы онъ понялъ, что есть одинъ вѣчный законъ, который онъ всегда зналъ и не могъ не знать, законъ, требующій любви и жалости къ людямъ, а что то, что онъ называетъ теперь закономъ, былъ мерзкій, безбожный обманъ, которому онъ не долженъ бы былъ поддаваться? Страшно подумать о томъ, что представлялось бы ему въ безсонныя ночи на печкѣ и каково было бы его отчаяніе, если бы онъ понялъ то, что, когда онъ имѣлъ силу дѣлать добро и зло людямъ, онъ дѣлалъ одно зло; что, когда онъ понялъ въ чемъ зло и въ чемъ добро, онъ уже ничего не можетъ дѣлать, какъ только безполезно мучиться и каяться? Мученія его были бы ужасны!

— Такъ зачѣмъ же и желать мучить его? Зачѣмъ мучить совѣсть умирающаго старика? Лучше успокоить ее! Зачѣмъ раздражать народъ, вспоминать то, что уже прошло!

Прошло? Что прошло? Развѣ можетъ пройти то, чего мы не только не начинали искоренять и

лечить, но то, что боимся назвать по имени? Развѣ можетъ пройти жестокая болѣзнь только отъ того, что мы говоримъ, что она прошла? Она не проходитъ и не пройдетъ никогда и не можетъ пройти, пока мы не признаемъ себя больными. Для того, чтобы излечить болѣзнь, надо прежде признать ее. А этого-то мы и не дѣлаемъ. Не только не дѣлаемъ, но всѣ усилія наши употребляемъ на то, чтобы не видать, не называть ея.

А болѣзнь не проходитъ, а только видоизмѣняется, въѣдается глубже въ плоть, въ кровь, въ кости. Болѣзнь въ томъ, что люди, рожденные добрыми, кроткими, люди, освѣщенные христіанской истиной, люди со вложенными въ ихъ сердце любовью, жалостью къ людямъ, совершаютъ — люди надъ людьми — ужасающія жестокости, сами не зная зачѣмъ и для чего. Наши русскіе люди, кроткіе, добрые, проникнутые духомъ ученія Христа, люди, кающіеся въ душѣ о томъ, что словомъ оскорбляли людей, что не подѣлились послѣднимъ съ нищимъ и не пожалѣли заключенныхъ, — эти люди проводятъ лучшую пору жизни въ убійствѣ и мучительствѣ своихъ братій, и не только не каятся въ этихъдѣлахъ, но считаютъ эти дѣла или доблестью или, по крайней мѣрѣ, необходимостью, такою же неизбѣжною, какъ пища или дыханіе. Развѣ это не ужасная болѣзнь? И развѣ не лежитъ на обязанности каждаго дѣлать все, что онъ можетъ, для исцѣленія ея, и первое, — главное — указать на нее, признать, назвать ее ея именемъ.

Солдатъ старый провелъ всю свою жизнь въ мучительствѣ и убійствѣ другихъ людей. Мы говоримъ: зачѣмъ поминать? Солдатъ не считаетъ себя виновнымъ и тѣ страшныя дѣла — палка, сквозь строй и другія — прошли уже; зачѣмъ поминать старое: теперь уже этого нѣтъ больше.

Былъ Николай Палкинъ. Зачѣмъ это вспоминать? Только старый солдатъ помянулъ передъ смертью. Зачѣмъ раздражать народъ?

Также говорили при Николаѣ про Александра. Тоже говорили при Александрѣ про Павловскія дѣла. Такъ же говорили при Павлѣ про Екатерину и всѣ ужасы ея распутства и самодурства ея любовниковъ. Также при Екатеринѣ говорили про Петра и т. д. и т. д. Зачѣмъ про это вспоминать?

Какъ зачѣмъ вспоминать? Если у меня была лихая болѣзнь или опасная, трудно излѣчимая и я избавился отъ нея, я всегда съ радостью буду поминать. Я не буду поминать только тогда, когда я болѣю и все тяжело болѣю, и еще хуже, и мнѣ хочется обмануть себя. Только тогда я не буду поминать. И мы не поминаемъ только отъ того, что мы знаемъ, что мы больны все также.

Зачѣмъ огорчать старика и раздражать народъ!? Палки, и сквозь строй — все это уже давно прошло. Прошло? Измѣнило форму, но не прошло.

Во всякое прошедшее время было то, что мы вспоминаемъ не только съ ужасомъ, но съ негодованіемъ. Мы читаемъ описанія правежей, сжиганій за ереси, пытокъ военныхъ поселеній, палокъ и гоняній сквозь строй, и не столько ужасаемся передъ жестокостью людей, но не можемъ себѣ представить даже душевнаго состоянія тѣхъ людей, которые это дѣлали. Что было въ душѣ человѣка, который вставалъ съ постели, умывшись, одѣвшись въ боярскую одежду, помолившись Богу, шелъ въ застѣнокъ выворачивать суставы и бить кнутомъ стариковъ, женщинъ и проводилъ за этимъ занятіемъ свои обычные пять часовъ, какъ теперешній чиновникъ въ сенатѣ; ворочался въ семью и спокойно садился за обѣдъ, а потомъ читалъ священное писаніе? Что было въ душѣ тѣхъ полковыхъ и ротныхъ командировъ (я зналъ

одного такого), которые наканунѣ съ красавицей танцовалъ мазурку на балѣ и уѣзжалъ раньше, чтобы на завтра рано утромъ распорядиться прогоняніемъ на смерть сквозь строй бѣжавшаго солдата - татарина, засѣкалъ этого человѣка, и возвращался обѣдать въ семью? Вѣдь все это было и при Петрѣ, и при Екатеринѣ, и при Александрѣ, и при Николаѣ. Не было времени, въ которое бы не было тѣхъ страшныхъ дѣлъ, которыя мы, читая ихъ, не можемъ понять. Не можемъ понять того, какъ могли люди не видѣть тѣхъ ужасовъ, которые они дѣлали, не видѣть, если ужъ не звѣрской безчеловѣчности тѣхъ ужасовъ, то безсмысленности ихъ. Во всѣ времена это было. Неужели наше время такое особенно счастливое, что у насъ нѣтъ такихъ ужасовъ, нѣтъ такихъ поступковъ, которые будутъ казаться столь же непонятными нашимъ потомкамъ? Такія же дѣла, такіе же ужасы есть, мы только не видимъ ихъ, какъ не видѣли ужаса своихъ ужасовъ наши предки. Намъ ясны теперь не только жестокость, но и безсмысленность сжиганія еретиковъ и пытокъ судейскихъ для узнанія истины. Ребенокъ видитъ безсмысленность этого. Но люди того времени не видѣли этого. Умные, ученые люди утверждали, что пытки — необходимое условіе жизни людей, что это тяжело, но безъ этого нельзя. Тоже съ палками, съ рабствомъ. И прошло время и намъ трудно представить себѣ то состояніе людей, при которомъ возможно было такое грубое заблужденіе. Но это было во всѣ времена, поэтому должно быть и въ наше время, и мы должны быть такъ же ослѣплены на счетъ нашихъ ужасовъ.

Гдѣ наши пытки, наше рабство, наши палки? Намъ кажется что ихъ нѣтъ, что это было прежде, но теперь прошло. Намъ кажется это отъ того, что мы не хотимъ понять стараго и старательно закрываемъ на него глаза.

Но если мы вглядимся въ прошедшее, намъ откроется и наше настоящее положеніе и причины его. Если мы только назовемъ настоящимъ именемъ костры, клейма, пытки, плахи, рекрутскіе наборы, то мы найдемъ и настоящее имя для тюремъ, остроговъ, войскъ съ общею воинскою повинностью, прокуроровъ и жандармовъ.

Если мы не будемъ говорить: зачѣмъ поминать, а посмотримъ внимательно на то, что дѣлалось прежде, то мы поймемъ и увидимъ то, что дѣлается теперь.

Если намъ ясно, что нелѣпо и жестоко рубить головы на плахѣ и узнавать истину отъ людей посредствомъ выворачиванія ихъ костей, то также ясно станетъ и то, что также, если еще не болѣе, нелѣпо и жестоко вѣшать людей или сажать ихъ въ одиночное заключеніе, равное или худшее смерти, и узнавать правду черезъ наемныхъ адвокатовъ и прокуроровъ. Если намъ ясно станетъ, что нелѣпо и жестоко убивать заблудшаго человѣка, то также ясно станетъ и то, что еще нелѣпѣе сажать такого человѣка въ острогъ, чтобы развратить его совсѣмъ; если ясно станетъ, что нелѣпо и жестоко ловить мужиковъ въ солдаты и клеймить какъ скотину, то такъ же нелѣпо и жестоко забирать всякаго 21 лѣтняго человѣка въ солдаты. Если ясно станетъ, какъ нелѣпа и жестока опричнина, то еще яснѣе будетъ нелѣпость и жестокость гвардіи и охраны.

Если мы только перестанемъ закрывать глаза на прошедшее и говорить: зачѣмъ поминать старое? намъ ясно станетъ, что въ наше время есть точно такіе же ужасы только въ новыхъ формахъ.

Мы говоримъ: все это прошло; прошло и теперь уже нѣтъ пытокъ, блудницъ - Екатеринъ съ ихъ полновластными любовниками, нѣтъ рабства, нѣтъ забиваній на смерть палками и др.— Но вѣдь это только

такъ кажется! Триста тысячъ человѣкъ въ острогахъ и арестанскихъ ротахъ сидятъ запертые въ тѣсныхъ, вонючихъ помѣщеніяхъ и умираютъ медленной тѣлесной и нравственной смертью. Жены и дѣти ихъ брошены безъ пропитанія, а этихъ людей держатъ въ вертепахъ разврата, острогахъ и арестантскихъ ротахъ, и только смотрителямъ, полновластнымъ хозяевамъ этихъ рабовъ, на что нибудь нужно это жестокое, безсмысленное заключеніе.

Десятки тысячъ людей съ „вредными идеями“, въ ссылкахъ разносятъ эти идеи въ дальніе углы Россіи, сходятъ съ ума и вѣшаются. Тысячи сидятъ по крѣпостямъ и, или *убиваются тайно начальниками тюремъ*, или сводятся съ ума одиночными заключеніями. Милліоны народа гибнутъ физически и нравственно въ рабствѣ у фабрикантовъ. Сотни тысячъ людей каждую осень отбираются отъ семей, отъ молодыхъ женъ, пріучаются къ убійству и систематически развращаются.

Царь русскій не можетъ выѣхать никуда безъ того, чтобы вокругъ него не была цѣпь явная изъ сотенъ тысячъ солдатъ, на 50 шаговъ другъ отъ друга разставленныхъ по дорогѣ, и тайная цѣпь, слѣдящая за нимъ повсюду.

Король собираетъ подати и строитъ башню, а на башнѣ дѣлаетъ прудъ и въ пруду, выкрашенномъ синей краской и съ машиной дѣлающей подобіе бури, катается на лодкѣ. А народъ мретъ на фабрикахъ и въ Ирландіи, и во Франціи, и въ Бельгіи.

Не нужно имѣть особой проницательности, чтобы видѣть, что и въ наше время все тоже, и что наше время полно тѣми же ужасами, тѣми же пытками, которые для слѣдующихъ поколѣній будутъ также удивительны по своей жестокости и нелѣпости. Болѣзнь все та же, и болѣзнь не тѣхъ, которые пользуются этими ужасами. Пускай бы они пользовались

въ 100 и въ 1000 разъ больше. Пускай устраивали бы башни, театры, балы, обирали бы народъ, пускай Палкинъ засѣкалъ бы народъ, пускай Побѣдоносцевъ съ Оржевскимъ вѣшали бы сотнями тайкомъ въ крѣпостяхъ, *только бы они дѣлали это сами*, только бы они не развращали народъ, не обманывали его, заставляя его участвовать въ этомъ, какъ стараго солдата.

Ужасная болѣзнь, болѣзнь эта въ обманѣ, въ томъ, что для человѣка можетъ быть какая нибудь святыня и какой нибудь законъ выше святыни и закона любви къ ближнему; — въ обманѣ, скрывающемъ то, что человѣкъ, во исполненіе требованія другихъ людей, можетъ дѣлать много поступковъ, только одного рода поступковъ онъ никогда, какъ человѣкъ, не можетъ дѣлать: не можетъ ни по чьему требованію итти противъ воли Бога — убивать и мучить своихъ братьевъ.

1800 лѣтъ назадъ на вопросъ фарисеевъ, давать ли подать Кесарю, сказано: „Кесарево — Кесарю, а Божіе — Богови". Если бы была какая нибудь вѣра у людей, и они хоть что нибудь считали бы должнымъ Богу, то прежде всего они сочли бы должнымъ Богу то, чему не только словами училъ Богъ человѣка, сказавъ: „не убій," сказавъ: „не дѣлай другому того, чего не хочешь чтобы тебѣ дѣлали," сказавъ: „люби ближняго какъ самого себя," — но что Богъ неизгладимыми чертами написалъ въ сердцѣ каждаго человѣка — любовь къ ближнему, жалость къ нему, ужасъ передъ убійствомъ и мучительствомъ братьевъ.

Если бы люди вѣрили Богу, то они не могли бы не признавать этой первой обязанности къ нему: не мучить, не убивать. И тогда слова: „Божіе — Богови, Кесарево — Кесарю" имѣли бы для нихъ ясное, опредѣленное значеніе: „царю, или кому еще, — все что хочешь," сказалъ бы вѣрующій человѣкъ,

„но не то, что противно волѣ Бога. Нужны кесарю мои деньги — бери; мой домъ, мои труды — бери; мою жену, моихъ дѣтей, мою жизнь — бери; все это не Божіе. Но, нужно кесарю, чтобы я поднялъ и опустилъ прутъ на спину ближняго, это — Божіе. Мой поступокъ это — моя жизнь, то, въ чемъ я отдамъ отчетъ Богу, и Богъ не велѣлъ мнѣ дѣлать этого и этого я не могу отдать кесарю. Не могу связать, запереть, гнать, убивать человѣка: все это — моя жизнь, а она Божья, и я не могу отдавать ее никому, кромѣ Бога".

Слова: „Божіе — Богови" для насъ означаютъ то, чтобы Богу отдавать копеечныя свѣчи, молебны, слова — вообще все, что никому ни на что не нужно, тѣмъ болѣе Богу; а все остальное: всю свою жизнь, всю святыню своей души, принадлежащую Богу, отдаемъ кесарю, т. е. (по значенію для Іудеевъ слова „Кесарю") чужому тебѣ, ненавистному человѣку.

Вѣдь это ужасно! Опомнитесь, люди!!

Работникъ Емельянъ и пустой барабанъ.*)

Жилъ Емельянъ у хозяина въ работникахъ. Идетъ разъ Емельянъ по лугу на работу, глядь, прыгаетъ передъ нимъ лягушка; чуть-чуть не наступилъ на нее. Перешагнулъ черезъ нее Емельянъ. Вдругъ слышитъ, кличетъ его кто-то сзади. Оглянулся Емельянъ, видитъ стоитъ красавица дѣвица и говоритъ ему:

— Что ты, Емельянъ, не женишься? — Какъ мнѣ дѣвица милая жениться? Я весь тутъ, нѣтъ у меня ничего, никто за меня не пойдетъ.

И говоритъ ему дѣвица:

— Возьми меня замужъ!

Полюбилась Емельяну дѣвица.

— Я, — говоритъ, — съ радостью, да гдѣ мы жить будемъ?

— Есть — говоритъ дѣвица, — о чемъ думать! Только бы побольше работы, да спать поменьше, — а то вездѣ и одѣты и сыты будемъ.

— Ну что-жъ, — говоритъ, — ладно. Женимся. Куда-жъ пойдемъ?

— Пойдемъ въ городъ.

Пошелъ Емельянъ съ дѣвицей въ городъ. Свела его дѣвица въ домишко небольшой, на краю. Женились и стали жить.

Ѣхалъ разъ царь за городъ. Проѣзжаетъ мимо Емельянова двора, и вышла Емельянова жена посмотрѣть царя. Увидалъ ее царь, удивился: „гдѣ такая красавица родилась?“ Остановилъ царь коляску, подозвалъ жену Емельяна, сталъ ее спрашивать:

— Кто, — говоритъ, — ты?

*) Изъ народныхъ сказокъ, созданныхъ на Волгѣ въ отдаленныя отъ насъ времена, возстановилъ Л. Н. Толстой.

— Мужика Емельяна жена, — говоритъ.

— Зачѣмъ ты, — говоритъ, — такая красавица за мужика пошла? Тебѣ бы надо царицей быть.

— Благодарю, — говоритъ, — на ласковомъ словѣ. Мнѣ и за мужикомъ хорошо.

Поговорилъ съ ней царь и поѣхалъ дальше. Вернулся во дворецъ. Не идетъ у него изъ головы Емельянова жена. Всю ночь не спалъ, все думалъ онъ, какъ бы ему у Емельяна жену отнять. Не могъ придумать, какъ сдѣлать. Позвалъ своихъ слугъ, велѣлъ имъ придумать. И сказали слуги царскіе царю:

— Возьми ты, — говорятъ, — Емельяна къ себѣ во дворецъ въ работники. Мы его работой замучаемъ, жена вдовой останется, тогда ее взять можно будетъ.

Сдѣлалъ такъ царь, послалъ за Емельяномъ, чтобы шелъ къ нему въ царскій дворецъ, въ дворники и у него бы во дворцѣ съ женой жилъ.

Пришли послы, сказали Емельяну. Жена и говоритъ мужу:

— Что-жъ, — говоритъ, — иди. День работай, а ночью ко мнѣ приходи.

Пошелъ Емельянъ. Приходитъ во дворецъ, царскій прикащикъ и спрашиваетъ его:

— Что-жъ ты одинъ пришелъ, безъ жены?

— Что-жъ мнѣ — говоритъ, — ее водить: у нея домъ есть.

Задали Емельяну на царскомъ дворѣ работу, такую, что двоимъ впору. Взялся Емельянъ за работу и не чаялъ кончить. Глядь, — раньше вечера все кончилъ. Увидалъ прикащикъ, что кончилъ, задалъ ему на завтра вчетверо.

Пришелъ Емельянъ домой. А дома у него все выметено, прибрано, печка истоплена, всего напечено, наварено. Жена сидитъ за столомъ, шьетъ,

КОММУНИСТИЧЕ
АКАДЕМИ

мужа ждетъ. Встрѣтила жена мужа; собрала ужинать, накормила, напоила; стала его про работу спрашивать.

— Да что,—говоритъ,—плохо: не по силамъ уроки задаютъ, замучаютъ они меня работой.

— А ты,—говоритъ,—не думай объ работѣ и назадъ не оглядывайся и впередъ не гляди, много ли сдѣлалъ и много ли осталось. Только работай. Все во время поспѣетъ.

Легъ спать Емельянъ. На утро опять пошелъ. Взялся за работу, ни разу не оглянулся. Глядь, къ вечеру все готово, засвѣтло пришелъ домой ночевать.

Стали еще и еще набавлять работу Емельяну, и все къ сроку кончаетъ Емельянъ, ходитъ домой ночевать. Прошла недѣля. Видятъ слуги царскіе, что не могутъ они черной работой донять мужика; стали ему хитрыя работы задавать. И тѣмъ не могутъ донять. И плотницкую, и каменную, и кровельную работу — что не зададутъ,—все дѣлаетъ къ сроку Емельянъ, къ женѣ ночевать идетъ. Прошла другая недѣля. Позвалъ царь своихъ слугъ и говоритъ: — Или я васъ задаромъ хлѣбомъ кормлю? Двѣ недѣли прошло, а все ничего я отъ васъ не вижу. Хотѣли вы Емельяна работой замучить, а я изъ окна вижу, какъ онъ каждый день идетъ домой, пѣсни поетъ. Или вы надо мной смѣяться вздумали?

Стали царскіе слуги оправдываться:

— Мы, — говорятъ, — всѣми силами старались его сперва черной работой замучить, да ничѣмъ не возьмешь его. Всякое дѣло, какъ метлою мететъ и устали въ немъ нѣтъ. Стали мы ему хитрыя работы задавать, думали, у него ума не достанетъ: тоже не можемъ донять. Откуда что берется! До всего доходитъ, все дѣлаетъ. Не иначе, какъ либо въ немъ самомъ, либо въ женѣ его — колдовство.

Онъ намъ и самимъ надоѣлъ. Хотимъ мы теперь ему такое дѣло задать, чтобы нельзя было ему сдѣлать. Придумали мы ему велѣть въ одинъ день соборъ построить. Призови ты Емельяна и вели ему въ одинъ день противъ дворца соборъ построить. А не построитъ онъ, тогда можно ему за ослушаніе голову отрубить.

Послалъ царь за Емельяномъ.

— Ну, — говоритъ, — вотъ тебѣ мой приказъ: построй ты мнѣ новый соборъ на площади противъ дворца; чтобы къ завтрему къ вечеру готово было. Построишь, — я тебя награжу, а не построишь — казню.

Отслушалъ Емельянъ рѣчи царскія, повернулся, пошелъ домой. Ну, думаетъ, пришелъ мой конецъ теперь. Пришелъ домой къ женѣ и говоритъ:

— Ну, — говоритъ, — собирайся жена — бѣжать надо, куда попало, а то ни за что пропадемъ.

— Что-жъ,—говоритъ,—такъ заробѣлъ, что бѣжать хочешь?

— Какъ же,—говоритъ,—не заробѣть? Велѣлъ мнѣ царь завтра въ одинъ день соборъ построить. А какъ не построю, грозится голову отрубить. Одно остается—бѣжать, пока время.

Не приняла жена этихъ рѣчей.

— У царя говоритъ солдатъ много, повсюду поймаютъ. Отъ него не уйдешь. А пока сила есть, слушаться надо.

— Да какъ же слушаться, коли не по силамъ?

— И . . . батюшка! Не тужи, поужинай, да ложись; на утро вставай пораньше, все успѣешь.

Легъ спать Емельянъ. На утро разбудила его жена.

— Ступай,—говоритъ,—скорѣй достраивай соборъ: вотъ тебѣ гвозди и молотокъ; тамъ тебѣ на день работы осталось.

Пошелъ Емельянъ въ городъ, приходитъ — точно, новый соборъ посередь площади стоитъ. Немного не конченъ. Сталъ додѣлывать Емельянъ, гдѣ надо; къ вечеру все исправилъ.

Проснулся царь, посмотрѣлъ изъ дворца, видитъ— соборъ стоитъ. Емельянъ похаживаетъ, кое-гдѣ гвозди приколачиваетъ. И не радъ царь собору, досадно ему, что не за что Емельяна казнить, нельзя его жены отнять.

Опять призываетъ царь своихъ слугъ.

— Исполнилъ, — говоритъ, — и эту задачу Емельянъ, не за что его казнить. Мала ему и эта задача. Надо что похитрѣй выдумать. Придумайте, а то я васъ прежде его разказню.

И придумали ему слуги, чтобы заказалъ онъ Емельяну рѣку сдѣлать, чтобы текла рѣка вокругъ дворца, а по ней бы корабли плавали. Призвалъ царь Емельяна, приказалъ ему новое дѣло.

— Если ты,—говоритъ,—въ одну ночь могъ соборъ построить, такъ можешь ты и это дѣло сдѣлать. Чтобы завтра было все по моему приказу готово. А не будетъ готово, голову отрублю.

Опечалился еще пуще Емельянъ, пришелъ къ женѣ сумрачный.

— „Что,—говоритъ,—жена, опечалился, или еще новое что царь заказалъ?

Разсказалъ ей Емельянъ.

— Надо, — говоритъ, — бѣжать.

А жена говоритъ:

— Не убѣжишь отъ солдатъ, вездѣ поймаютъ.

Надо слушаться.

— Да какъ слушаться-то?

— И... батюшка, — говоритъ, — ни о чемъ не тужи. Поужинай, да спать ложись. А вставай пораньше, все будетъ къ порѣ.

Легъ Емельянъ спать. Поутру разбудила его жена

— Иди, — говоритъ, — ко дворцу, все готово. Только у пристани, противъ дворца, бугорокъ остался; возьми заступъ, сровняй.

Пошелъ Емельянъ; приходитъ въ городъ: вокругъ дворца рѣка, корабли плаваютъ. Подошелъ Емельянъ къ пристани противъ дворца, видитъ—неровно мѣсто, сталъ ровнять.

Проснулся царь, видитъ — рѣка гдѣ не было; по рѣкѣ корабли плаваютъ и Емельянъ бугорокъ заступомъ ровняетъ. Ужаснулся царь; и не радъ онъ и рѣкѣ, и кораблямъ, а досадно ему, что нельзя Емельяна казнить. Думаетъ себѣ: нѣтъ такой задачи, чтобы онъ не сдѣлалъ. Какъ теперь быть?

Призвалъ царь слугъ своихъ, сталъ съ ними думать.

— Придумайте, — говоритъ, — мнѣ такую задачу, чтобы не подъ силу было Емельяну. А то, что мы не выдумывали, онъ все сдѣлалъ, и нельзя мнѣ у него жены отобрать.

Думали, думали придворные и придумали. Пришли къ царю и говорятъ:

— Надо Емельяна позвать и сказать: поди туда, — не знай куда, и принеси того, — не знай чего. Тутъ ужъ ему нельзя будетъ отвертѣться. Куда бы онъ ни пошелъ, ты скажи, что онъ не туда пошелъ, куда надо; и чего бы онъ ни принесъ, ты скажи, что не то принесъ, чего надо. Тогда его и казнить можно и жену его взять.

Обрадовался царь.

Это, — говоритъ, — вы умно придумали.

— Послалъ царь за Емельяномъ и сказалъ ему:

— Поди туда,—не знай куда, принеси того,—не знай чего. А не принесешь, отрублю тебѣ голову.

Пришелъ Емельянъ къ женѣ и говоритъ, что ему царь сказалъ. Задумалась жена.

— Ну, — говоритъ, — на его голову научили царя.

Теперь умно дѣлать надо. Посидѣла, подумала жена и стала говорить мужу:

— Итти тебѣ надо далеко, къ нашей бабушкѣ старинной, мужицкой, солдатской матери, надо ея милости просить. А получишь отъ нея штуку, иди прямо во дворецъ и я тамъ буду. Теперь ужъ мнѣ ихъ рукъ не миновать. Они меня силой возьмутъ, да только не надолго. Если все сдѣлаешь, какъ бабушка велитъ, ты меня скоро выручишь.

Собрала жена мужа, дала ему сумочку и дала веретенце.

— Вотъ это, — говоритъ, — ей отдай. По этому она узнаетъ, что ты мой мужъ.

Показала жена ему дорогу. Пошелъ Емельянъ, вышелъ за городъ, видитъ — солдаты учатся. Постоялъ, посмотрѣлъ Емельянъ. Поучились солдаты, сѣли отдохнуть. Подошелъ къ нимъ Емельянъ и спрашиваетъ:

— Не знаете ли, братцы, гдѣ мнѣ итти туда, — не знай куда, и какъ принести того, — не знай чего.

Услыхали это солдаты и удивились.

— Кто, — говорятъ, —тебя послалъ искать?

— Царь, — говоритъ.

— Мы сами, — говорятъ, — вотъ съ самаго солдатства ходимъ туда, — не знай куда, да не можемъ дойти, и ищемъ того — не знай чего, да не можемъ найти. Не можемъ тебѣ пособить.

Посидѣлъ Емельянъ съ солдатами, пошелъ дальше. Шелъ-шелъ, приходитъ въ лѣсъ. Въ лѣсу избушка. Въ избушкѣ старая старуха сидитъ, мужицкая, солдатская мать, кудельку прядетъ, сама плачетъ и пальцы не во рту слюнями, а въ глазахъ слезами мочитъ. Увидала старуха Емельяна, закричала на него:

— Чего пришелъ?

Подалъ ей Емельянъ веретенце и сказалъ, что его

жена прислала. Сейчасъ помягчала старуха, стала спрашивать. И сталъ Емельянъ сказывать ей всю свою жизнь, какъ онъ на дѣвицѣ женился, какъ перешелъ въ городъ жить, какъ его къ царю въ дворники взяли, какъ онъ во дворцѣ служилъ, какъ соборъ построилъ и рѣку съ кораблями сдѣлалъ и какъ ему теперь царь велѣлъ итти туда, — не знай куда, и принести того, — не знай чего.

Отслушала старуха и перестала плакать. Стала сама съ собою бормотать:

— Дошло, видно, время. Ну, ладно,— говоритъ, — садись, сынокъ, поѣшь.

Поѣлъ Емельянъ, и стала старуха ему говорить; —Вотъ—говоритъ,—тебѣ, клубокъ. Покати ты его передъ собой и иди за нимъ куда онъ катиться будетъ. Итти тебѣ будетъ далеко, до самого моря. Придешь къ морю, увидишь городъ большой. Войди въ городъ, просись въ крайній дворъ ночевать. Тутъ ищи того, что тебѣ нужно.

— Какъ же, бабушка, я его узнаю?

— А когда увидишь то, чего лучше отца и матери слушаютъ, оно то и есть. Схвати и неси къ царю. Принесешь къ царю, онъ тебѣ скажетъ, что не то ты принесъ, что надо. А ты тогда скажи: Коли не то, такъ разбить его надо, да ударь по штукѣ по этой, а потомъ снеси ее къ рѣкѣ, разбей и брось въ воду. Тогда и жену вернешь и мои слезы осушишь.

Простился съ бабушкой, Емельянъ пошелъ, покатилъ клубокъ. Катилъ—катилъ, привелъ его клубокъ къ морю. У моря городъ большой. Съ краю высокій домъ. Попросился Емельянъ въ домъ ночевать. Пустили. Легъ спать. Утромъ рано проснулся,—слышитъ — отецъ поднялся будить сына, посылаетъ дрова нарубить. И не слушается сынъ:

— Рано — говоритъ, — еще, успѣю.

Слышитъ мать съ печки говоритъ:

— Иди, сынокъ, у отца кости болятъ. Развѣ ему самому итти?... Пора.

Только почмокалъ губами сынъ и опять заснулъ. Только заснулъ, вдругъ загремѣло, затрещало что-то на улицѣ. Вскочилъ сынъ, одѣлся и выбѣжалъ на улицу. Вскочилъ и Емельянъ, побѣжалъ за нимъ смотрѣть, что такое, это гремитъ и чего сынъ лучше отца-матери послушался.

Выбѣжалъ Емельянъ, видитъ — ходитъ по улицѣ человѣкъ, носитъ на пузѣ штуку круглую, бьетъ по ней палками. Она-то и гремитъ; ее то сынъ и послушался. Подбѣжалъ Емельянъ, сталъ смотрѣть штуку. Видитъ: — круглая какъ кадушка, съ обоихъ боковъ кожей затянута. Сталъ онъ спрашивать:

— Какъ это шутка зовется?

— Барабанъ, — говорятъ.

— А что же онъ, — пустой?

— Пустой, — говорятъ.

Подивился Емельянъ и сталъ просить себѣ эту штуку. Не дали ему. Пересталъ Емельянъ просить, сталъ ходить за барабанщикомъ. Цѣлый день ходилъ, и когда легъ спать барабанщикъ, схватилъ у него Емельянъ барабанъ и убѣжалъ съ нимъ. Бѣжалъ-бѣжалъ, бѣжалъ-бѣжалъ, пришелъ домой въ свой городъ. Думалъ жену повидать, а ея ужъ нѣтъ. На другой день ее къ царю увели.

Пошелъ Емельянъ во дворецъ, ведѣлъ о себѣ доложить: пришелъ, молъ, тотъ, кто ходилъ туда, — не знай куда, принесъ того, — не знай чего. Царю доложили. Велѣлъ царь Емельяну завтра прійти. Сталъ просить Емельянъ, чтобы опять доложили:

— Я, — говоритъ, — нынче пришелъ, принесъ, что велѣно пусть ко мнѣ царь выйдетъ, а то я самъ войду.

Вышелъ царь.

— Гдѣ, — говоритъ, — ты былъ?“

Емельянъ сказалъ.

— Не тамъ, — говоритъ. — А что принесъ?

Хотѣлъ показать Емельянъ, да не сталъ смотрѣть царь.

— Не то, — говоритъ.

— А не то,—говоритъ,—такъ разбить ее надо, и чертъ съ ней.

Вышелъ Емельянъ изъ дворца съ барабаномъ и ударилъ по немъ. Какъ ударилъ, собралось все войско царское къ Емельяну. Емельяну честь отдаютъ, отъ него приказа ждутъ. Сталъ на свое войско изъ окна царь кричать, чтобъ они не шли за Емельяномъ. Не слушаютъ царя, всѣ за Емельяномъ идутъ. Увидалъ это царь, велѣлъ къ Емельяну жену вывести и сталъ просить, чтобы онъ ему отдалъ барабанъ.

— Не могу, — говоритъ Емельянъ. — Мнѣ, — говоритъ, — его разбить велѣно и оскребки въ рѣку бросить.

Подошелъ Емельянъ съ барабаномъ къ рѣкѣ, и солдаты за нимъ пришли. Пробилъ Емельянъ у рѣки барабанъ, разломалъ въ щепки, бросилъ его въ рѣку и разбѣжались всѣ солдаты. А Емельянъ взялъ жену и повелъ къ себѣ въ домъ.

И съ тѣхъ поръ царь пересталъ его тревожить.

И сталъ онъ жить - поживать, — доброе — наживать, а худо — проживать.

ДОРОГО СТОИТЪ.

Былъ.

(Разсказъ по Мопасану).

Есть между Франціей и Италіей, на берегу Средиземнаго моря, маленькое крошечное царство. Называется это царство Монако. Въ царствѣ этомъ жителей меньше, чѣмъ въ большомъ селѣ, всего 7000, а земли столько, что не хватитъ по десятинѣ на душу. Но царекъ въ царствѣ есть настоящій. Есть у этого царька и дворецъ, и придворные, и министры, и архіереи, и генералы и войско.

Не много войска, всего 60 человѣкъ, но все-таки войско. Доходовъ у царька мало. Налогъ есть, какъ и вездѣ, и на табакъ, и на вино, и на водку, и подушныя и хоть пьютъ и курятъ, но народа мало и нечемъ бы царьку кормить своихъ придворныхъ и чиновниковъ и самому прокормиться, кабы не было у него ссобаго дохода. А особый доходъ у него въ царствѣ съ игорнаго заведенія—рулетки. Люди играютъ, проигрываютъ, выигрываютъ, а содержателю всегда барышъ. А съ дохода содержатель царьку платитъ большія деньги. А большія деньги потому платитъ, что осталось такое игорное заведеніе теперь только одно во всей Европѣ. Прежде были также игорныя заведенія у маленькихъ нѣмецкихъ князьковъ, но ихъ лѣтъ 10 тому назадъ запретили. А запретили за то, что отъ игорныхъ заведеній много бѣдъ бывало. Пріѣдетъ какой нибудь, начнетъ играть, зарвется, спуститъ все, что есть и даже чужія деньги, а потомъ, съ горя, либо топится, либо стрѣляется. Нѣмцы своимъ князькамъ запретили, а Монакскому царьку запретить некому. У него одного осталось.

И съ тѣхъ поръ, всѣ охотники поиграть къ нему ѣдутъ, у него проигрываются, а ему барышъ. Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ. Знаетъ и Монакскій царекъ, что дѣло это скверное, да какъ же быть-то? Жить надо. Вѣдь и съ водки и съ табаку кормиться не лучше. Такъ и живетъ этотъ царекъ, царствуетъ, денежки огребаетъ и ведетъ у себя во дворцѣ всѣ порядки, какъ у настоящихъ большихъ королей.

Также коронуется и выходы дѣлаетъ и награды раздаетъ и казнитъ и милуетъ, и также у него парады и совѣты, и законы, и суды. Все какъ и у настоящихъ королей. Одно, — что все маленькое.

И вотъ, случилось разъ, лѣтъ пять тому назадъ, у королька этого въ царствѣ смертоубійство. Народъ въ царствѣ смиренный и прежде такихъ дѣлъ не бывало. Собрались судьи, всѣ честь-честью, стали судить, всѣ какъ должно. И судьи, и прокуроры, и присяжные, и адвокаты. Судили, судили, и присудили по закону отрубить преступнику голову. Хорошо. Представили королю. Прочелъ король приговоръ, утвердилъ. Казнить, такъ казнить. Одна бѣда: нѣту у нихъ въ царствѣ ни гильотины, чтобы голову рубить, ни палача. Подумали, подумали министры и рѣшили написать французскому правительству запросъ: могутъ ли французы выслать имъ на время машину и мастера, чтобы отсѣчь преступнику голову и, если можно, чтобы увѣдомили сколько понадобится на это дѣло расходовъ. Послали бумагу. Черезъ недѣлю получаютъ отвѣтъ: Прислать машину и палача можно, расходу за все 16000 франковъ. Доложили царьку. Подумалъ, подумалъ царекъ — 16000 франковъ! Не стоитъ, говоритъ, негодяй этихъ денегъ. Нельзя ли, какъ подешевле. А то 16000 франковъ: вѣдь это значитъ по два франка слишкомъ налога наложить на

каждаго жителя. Тяжело покажется. Какъ-бы не взбунтовались. Собрали совѣтъ — какъ дѣлу помочь? Рѣшили послать съ тѣмъ-же къ Итальянскому королю. Французское правительство—республика, царей не уважаетъ, а король Итальянскій все-таки свой братъ, авось дешевле возьметъ. Написали; получаютъ скоро отвѣтъ.

Пишетъ итальянское правительство, что и машину и мастера они пришлютъ съ удовольствіемъ. А что стоить всё совсѣмъ съ проѣздомъ будетъ 12000 франковъ. Дешевле, а все дорого. Опять не стоитъ мерзавецъ денегъ такихъ. Выходитъ опять безъ малого по два франка на человѣка надо накладывать. Опять собрался совѣтъ. Думали, думали — нельзя-ли какъ подешевле. Не возьмется-ли изъ солдатъ кто по домашнему отрубить голову? Позвали генерала. Что, не найдется ли солдатъ такой, чтобы отрубить голову? Все равно вѣдь на войнѣ убиваютъ. Солдатъ на то вѣдь и готовятъ. Поговорилъ генералъ съ солдатами — не возьмется ли кто? Не взялись солдаты. Нѣтъ, говорятъ, мы этого не умѣемъ и не учились.

Какъ быть? Опять думали, думали, собрали комитетъ, комиссію, подкомиссію. Передумали. Надо, говорятъ, смертную казнь замѣнить тюрьмой вѣчной. И милосердіе покажетъ царь и расходовъ меньше. Согласился царекъ и такъ и рѣшили. Одно горе, такой тюрьмы особенной нѣтъ, чтобы запереть на вѣчное время. Есть кутузки, такъ маленькія, куда на время сажаютъ, а прочной тюрьмы, чтобы навѣчно запереть—нѣтъ такой. Ну все-таки пріискали помѣщеніе. Посадили молодца. Приставили сторожа.

Сторожъ и караулитъ и за ѣдой для преступника на кухню во дворецъ ходитъ. Сидитъ такъ молодецъ шесть мѣсяцевъ, сидитъ годъ. Сталъ царекъ

свѣрять въ концѣ года расходы и приходы, видитъ на содержаніе преступника новый расходъ, да и не малый. Сторожъ особый, да пища. Въ годъ 600 франковъ обошлось. А малый молодой, здоровый, пожалуй лѣтъ 50 проживетъ. Сочти-ка во что станетъ. Расходъ большой. Нельзя такъ. Позвалъ царекъ министровъ: „Придумайте, говоритъ, какъ бы намъ съ этимъ негодяемъ подешевле раздѣлаться? А то онъ намъ такъ дорого станетъ.“ Собрались министры, думали, думали. Одинъ и говоритъ: „Вотъ что господа: по моему отставить сторожа.“ А другой говоритъ: „Да вѣдь онъ уйдетъ.“ „А уйдетъ и пёсъ съ нимъ.“ Доложили царьку. Согласился и царь. Отставили сторожа. Смотрятъ—что будетъ. Только видятъ: пришло время обѣдать, вышелъ преступникъ, поискалъ сторожа, не нашелъ и пошелъ на кухню королевскую себѣ за обѣдомъ. Забралъ, что дали, вернулся въ тюрьму заперъ за собой дверь и сидитъ. На завтра тоже. За пищей себѣ ходитъ, а уходить — не уходитъ! Какъ быть? Подумали. Надо, говорятъ, ему прямо сказать, что не нуженъ онъ намъ. Пускай уходитъ. Хорошо. Призываетъ его къ себѣ министръ юстиціи и говоритъ: „Отчего вы, говоритъ не уходите? Сторожа при васъ нѣтъ. Можете свободно уйти и царь не обидится.“ „Царь то, говоритъ, не обидится, да мнѣ то итти некуда. Куда я пойду? Вы меня приговоромъ осрамили, меня никто не возьметъ теперь, я отъ всѣхъ дѣлъ отсталъ. Вы, говоритъ, со мной неправильно поступили. Такъ дѣлать не годится. Ну, приговорили вы меня къ смертной казни, хорошо. Надо было вамъ меня казнить — вы не казнили. Это разъ. Я не сталъ спорить. Потомъ приговорили вы меня къ вѣчной тюрьмѣ и сторожа приставили, чтобы онъ мнѣ пищу носилъ, потомъ отняли у меня сторожа. Это два. Опять я не сталъ спорить. Самъ

ходилъ за ѣдой. Теперь вы говорите: уходи. Нѣтъ, вы какъ хотите, а я никуда не пойду."

Какъ быть? Собрали опять совѣтъ. Что дѣлать? Не уходитъ. Подумали, подумали. Надо ему пенсію назначить. Безъ этого не отдѣлаешься отъ него. Доложили царьку. Нечего дѣлать, говоритъ, хоть какъ нибудь съ нимъ раздѣлаться. Назначили ему 600 франковъ. Объявили ему.

— Ну, пожалуй, — говоритъ, — если будете вѣрно платить, пожалуй уйду.

Такъ и порѣшили. Получилъ онъ 1/3 впередъ простился со всѣми и выѣхалъ изъ владѣнія царька. Всего 1/4 часа ѣзды по желѣзной дорогѣ. Выѣхалъ, поселился по близости, купилъ землицы, развелъ огородъ, садикъ и живетъ припѣваючи. Ѣздитъ въ сроки получать пенсію. Получитъ, зайдетъ въ игорный, поставитъ франка 2—3, иногда выиграетъ, иногда проиграетъ, и ѣдетъ къ себѣ домой. Живетъ смирно, хорошо.

Хорошо, что грѣхъ случился съ нимъ не тамъ, гдѣ не жалѣютъ расходовъ, ни на то, чтобы отрубить голову человѣку, ни на вѣчныя тюрьмы.

КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ.

ОБРАЩЕНІЕ КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ, по своему практическому значенію отдѣловъ нашихъ повременныхъ изданій будетъ состоять изъ такихъ свѣдѣній о происходящемъ въ Россіи, которыя, по цензурнымъ условіямъ, не могутъ быть преданы гласности въ самой Россіи.

Пользуясь, благодаря самодержавному строю, ничѣмъ не ограниченнымъ произволомъ, а вслѣдствіе отсутствія гласности, и полною безотвѣтственностью, — представители русской государственной власти, отъ высшихъ и до низшихъ, непрерывно совершаютъ, какъ всѣмъ извѣстно, надъ русскими людьми такія самоуправства, беззаконія и жестокости, которыя были-бы при свѣтѣ гласности, совершенно немыслимы.

Часть подобныхъ дѣяній совершается низшей администраціей по своей собственной иниціативѣ; и одна возможность того, что эти дѣйствія станутъ извѣстны высшимъ властямъ, послужила бы значительнымъ препятствіемъ для ихъ совершенія.

Другая часть — совершается по распоряженію свыше; но та тщательность, съ которою эти дѣла скрываются отъ всеобщаго свѣдѣнія, ясно обнаруживаетъ, насколько правительству было бы неудобно ихъ совершать открыто.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда оно продолжало бы совершать свои безобразія, несмотря на ихъ оглашаніе, — они, по крайней мѣрѣ, не оставались бы скрытыми отъ общества; и такимъ образомъ постепенно складывалось бы обличительное общественное мнѣніе, съ которымъ правительство, волею неволею, вынуждено было бы считаться, уступая подъ его неотразимымъ давленіемъ.

Мы и желали бы, по мѣрѣ возможности. послужить передаточнымъ органомъ для сообщенія русскимъ людямъ о томъ, что происходитъ въ Россіи.

Такая задача, разумѣется, осуществима только для изданія, выпускаемаго, подобно нашему, внѣ Россіи и независимо отъ стѣснительныхъ русскихъ цензурныхъ условій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, она осуществима только при дѣятельномъ участіи людей, живущихъ въ самой Россіи, черезъ посредст о которыхъ возможно было бы получать требуемыя свѣдѣнія. в

Въ виду этого мы обращаемся ко всѣмъ людямъ, живущимъ въ предѣлахъ нашего отечества и сочувствующимъ нашей задачѣ, съ горячею просьбою помочь этому общему дѣлу присылкою намъ сообщеній обо всемъ томъ, чтò, по ихъ мнѣнію заслуживаетъ вниманія и огласки.

Сообщенія могутъ быть самаго разнообразнаго характера, начиная съ описанія крупныхъ, наиболѣе возмутительныхъ злоупотребленій власти, и кончая изображеніемъ обыкновенной, будничной жизни той или другой мѣстности или среды, какъ

она складывается подъ давленіемъ мертвящей административной, опеки. Всякія сообщенія, какъ подробныя, такъ и краткія будутъ приниматься нами съ глубокою благодарностью.

Форма ихъ изложенія не имѣетъ для насъ существеннаг-значенія. Здѣсь требуется не литературная обработка а право дивое сообщеніе фактовъ, хотя бы въ видѣ частныхъ писемъ. Одно только важно: чтобы всѣ сообщаемое было достовѣрно извѣстно пишущему, и чтобы онъ могъ ручаться за точность каждаго своего слова. Ради сохраненія довѣрія читателей, необходимо тщательно избѣгать всякихъ преувеличеній или прикрасъ, всякихъ непровѣренныхъ слуховъ.

Имена лицъ, присылающихъ намъ подобныя свѣдѣнія мы не будемъ публиковать безъ ихъ собственнаго настоятельнаго желанія.

Надѣемся, что всѣ, кто раздѣляетъ наше глубокое убѣжденіе въ серьезномъ значеніи этого отдѣла нашихъ изданій, отзывчиво отнесутся къ нашей просьбѣ о помощи, принимая во вниманіе, что только при ихъ живомъ содѣйствіи, возможно осуществленіе нашей общей задачи.

В. Чертковъ.

Мой отказъ отъ военной службы.

Записки военнаго врача А. ШКАРВАНА.

Содержаніе: Предисловіе. — Служба. — Отказъ. — Подъ арестомъ въ больницѣ. — Почему нельзя служить военнымъ врачемъ. — Судебное слѣдствіе и свиданіе съ матерью. — Мотивы моего отказа. — По пути въ Вѣну. — Среди умалишенныхъ. — Опять въ Кашау. — Первое время въ тюрьмѣ. — Допросъ, отнятіе диплома, судъ и приговоръ. — Изъ тюремной жизни. — Какъ я попалъ въ исправительный карцеръ. — Въ исправительномъ карцерѣ. — Послѣднее время въ тюрьмѣ. — Опять въ больницѣ. — Освобожденіе. — Заключеніе.

Приложеніе: Медицинскій докладъ. — Журналъ наблюденія.

Цѣна 75 коп.